

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Ильин Андрей Александрович

**ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ «РЕВОЛЮЦИЯ» У А.И. ГЕРЦЕНА И М.А.
БАКУНИНА**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Резюме диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:
Парсамов Вадим Суренович,
доктор исторических наук,
профессор

Москва 2018

Введение

Среди множества понятий и дискурсов, возникших в России в XVIII-XIX вв., понятие «революция» занимало особое место¹. Оно ассоциировалось со сменой политических режимов и коренными преобразованиями в разных сферах общества. Революции, как считалось, имеют характер кризиса, решающего события. Одни видели в них крайнюю опасность, а другие – решение проблем современности. Хотя первая революция в России произошла только в 1905 г., уже с конца XVIII в. это понятие, опирающееся больше на ожидания, чем на действительность, приобрело некоторую значимость для общественно-политической мысли.

В настоящей работе рассматривается история *революции* на нескольких критически важных этапах ее развития, воспринятых через оптику интеллектуальной биографии важных общественных деятелей, журналистов и мыслителей своего времени: Александра Ивановича Герцена и Михаила Александровича Бакунина.

Этот выбор обусловлен тем, что Герцен и Бакунин по ряду характеристик выделялись среди своих современников. Они стали одними из первых, кто вплотную занялся теорией и тактикой революций, а также переводом и распространением в России западных леворадикальных идей, связанных с революциями. Этому способствовало их положение эмигрантов, живших и работавших на протяжении долгого времени в Западной Европе, но не терявших связей с Россией. Герцен и Бакунин были одними из первых в своем роде. За ними последовали другие радикальные авторы, что укрепило их в статусе зачинателей нового интеллектуального и политического направления.

Хотя существует множество работ, в которых освещены различные аспекты интеллектуальных биографий Герцена и Бакунина, созданные этими авторами концепции революции, а также роль Герцена и Бакунина в формировании в России понятия «революция» еще не изучались специально. В

¹См.: *Веселитский В.В.* Революция // Русский язык. 1968. № 3. С. 68–73.

отсутствие подобной работы понимание их творчества, а также их политической и общественной деятельности оставалось бы неполным.

В целом, историко-семантическое исследование *революции* может послужить восполнению некоторых пробелов в современном понимании интеллектуальной истории России XIX в., а также дополнить работы о радикализме в России (и противостоявших ему силах). Кроме того, изучение этого понятия помогает уточнить терминологический инструментарий исследователей, вынужденных постоянно говорить о «революции» применительно к русскому XIX в.

Степень изученности темы

Первым исследователем, который посвятил специальную работу истории понятия «революция» стал О. Розеншток-Хюсси, сосредоточившийся в своей работе на западноевропейских и североамериканских странах². Розеншток-Хюсси заложил методологическую основу, влияние которой в большей или меньшей степени заметно в работах последовавших за ним авторов, среди которых следует выделить Р. Козеллека и Дж. Данна³.

Проблема *революции* также неоднократно привлекала внимание историков идей, философов и филологов, занимающихся русской историей. Краткую научно-популярную статью значению слова «революция» посвятил известный лексиколог В.В. Веселитский. Говоря о слове, а не понятии, он тем не менее отметил ряд моментов, значимых для концептуальной истории⁴. Важные замечания о развитии *революции* в России XVIII в. также содержатся в

²*Kamenka E.* The Concept of Political Revolution // *Revolution* / ed. by C.J. Friedrich. N. Y., 1966. P. 122–135. См.: *Розеншток-Хюсси О.* Великие революции: Автобиография западного человека. Tenafly, 1999.

³*Snow V.* The Concept of Revolution in Seventeenth-Century England // *The Historical Journal*. 1962. Vol. 5, № 2. P. 167–174; *Hatto A.* “Revolution”: An Enquiry Into the Usefulness of an Historical Term // *Mind*. 1949. Vol. 58, № 232. P. 495–517. *Koselleck R.* Critique and Crisis. Cambridge, 1988; *Idem.* Historical Criteria of the Modern Concept of Revolution // *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. N. Y., 2004. P. 43–57; *Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фииш Й.* Революция // *Словарь основных исторических понятий: избр. ст.: в 2 т.* М., 2014. Т. 1. С. 520–728; *Dunn J.* Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge, 1972; *Idem.* Revolution // *Political Innovation and Conceptual Change* / ed. by T. Ball, J. Farr, R.L. Hanson. Cambridge, 1989. P. 333–356.

⁴ *Веселитский В.В.* Указ соч.

монографии Д.В. Тимофеева, который рассматривает *революцию* в связи с другими понятиями эпохи Просвещения⁵. Существуют и другие исследования *революции* в России, чья методология, однако, часто далека от историко-понятийной. К таким работам можно отнести «Социальную философию Герцена» З.В. Смирновой, одна из глав которой посвящена представлениям мыслителя о социальной революции⁶. Также нельзя не отметить исследование Р.Н. Блюма, изучавшего взгляды русских радикальных авторов XIX в. на причины революций, а также на тактику и стратегию революционной борьбы⁷. Методологически близко к нему исследование Е.М. Амелиной, посвященное *революции* в идейном наследии Бакунина⁸.

Своей методологией выделяется «Поэтика власти» М.П. Одесского и Д.М. Фельдмана. Она, как следует из названия, посвящена поэтике, т. е. средствам выразительности, используемым для передачи того или иного значения. В монографии исследуется поэтика и риторика «идеологем», так авторы называют узловые точки политического дискурса. В работе содержится специальный раздел, посвященный идеологеме революции⁹.

Говоря о работах, относящихся к теме диссертации, нельзя не сказать об исследованиях, посвященных Герцену и Бакунину. В изучении Герцена свое значение сохраняют некоторые работы начала XX в., авторы которых сделали многое для изучения фактической стороны биографии русского социалиста. Авторами этих работ были М.П. Драгоманов¹⁰, В.Я. Богучарский¹¹ и М.К.

⁵ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально–политическом лексиконе образованного русского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011.

⁶ Смирнова З.В. Социальная философия Герцена. М., 1973. С. 101–117. См. также: Исакова И.П. Французский революционаризм в системе социально–политических воззрений А.И. Герцена: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

⁷ Блюм Р.Н. Поиски путей к свободе. Проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века. Таллин, 1985. См. о Герцене и Бакунине: С. 87–103, 118–133.

⁸ Амелина Е.М. Несостоятельность анархистского идеала М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина в свете исторического материализма // Теория революции. История и современность: сб. ст. / под ред. М.Я. Ковальзона. М., 1984. С. 37–48.

⁹ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М., 2012.

¹⁰ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву (1860–1874) с приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П.

Лемке. Собрание сочинений, подготовленное последним, сохраняет ценность в первую очередь благодаря обширному и подробному комментарию. Некоторые источники, приведенные Лемке, больше никогда не публиковались, или же вовсе были утрачены впоследствии¹². Другим крупным исследователем Герцена, который оказал значительную поддержку Лемке, был М.О. Гершензон, издавший некоторые источники, относящиеся к биографиям Герцена и Н.П. Огарёва¹³.

После революции советские авторы, продолжили исследования Герцена, помещая его в революционную традицию, идущую от декабристов к большевикам¹⁴. Некоторые исследователи, такие как М.В. Нечкина, бывшая особенно влиятельной в 1950-1960-е гг., представляли ортодоксальный подход. Они доказывали, что Герцен был лидером «революционного центра», чья деятельность способствовала «первой революционной ситуации» в 1859-1861 гг.¹⁵ Несколько отличную позицию занимали принадлежавшие к более младшему поколению Н.М. Пирумова, В.И. Порох, Е.Г. Бушканец, Т.И. Усакина, С.Д. Гурвич-Лищинер, Н.Я. Эйдельман, В.А. Прокофьев¹⁶. Некоторые из исследователей этого круга были причастны к изданию нового собрания сочинений Герцена. В его редакции сотрудничали также известный историк

Драгоманова. Женева, 1896; *Письма* К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену с объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева, 1892; *Из бумаг* редакции «Колокола». VI. Письма Ч. к А. И. Герцену // *Вольное слово*. 1883. № 61–62. С. 4–7.

¹¹ *Богучарский В.Я.* А.И. Герцен М, 1920.

¹² *Герцен А.И.* Собрание сочинений: в 22 т. / под ред. М.К. Лемке. Пг., 1915–1923. Т. 1–22. При составлении комментария автор использовал материалы других своих книг. *Лемке М.К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908; *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909.

¹³ *Русские пропилеи*: собрал и приготовил к печати М. Гершензон: в 6 т. М., 1917. Т. 4.

¹⁴ *Проблемы* изучения Герцена / под ред. Ю.Г. Оксмана. М., 1963.

¹⁵ *Нечкина М.В.* «Земля и воля» 1860–х годов // *История СССР*. 1957. № 1. С. 105–133.

¹⁶ *Пирумова Н.М.* Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989; *Порох И.В.* Poleмика Герцена с Чичериным и отклик на нее в «Современнике» // *Историографический сборник*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1965. Вып. 2. С. 45–75; *Бушканец Е.Г.* О двух «письмах» в редакцию «Колокола» // *Литературное наследство* / под ред. А.Н. Дубовикова, Л.Р. Ланского, Н.А. Роскиной, Н.Д. Эфрос. М., 1956. Т. 63. С. 212–219; *Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия (секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная русская печать). М., 1973; *Прокофьев В.А.* Герцен. М., 1979.

социалистических теорий В.П. Волгин, Б.П. Козьмин, Ю.Г. Оксман, Д.Д. Благой, В.А. Путинцев, И.Г. Птушкина, Л.К. Чуковская, Л.Я. Гинзбург, Е.Н. Дрыжакова¹⁷.

Советская интерпретация не была единственной. Благодаря деятельности И. Берлина и его коллег, связанных с Оксфордским университетом¹⁸, приобрела популярность трактовка Герцена как трезвого и умеренного мыслителя и деятеля, противника революций. Традицию этой либеральной интерпретации Герцена поддерживали последователи Берлина А. Келли и Э. Актон¹⁹. Также А. Валицкий, стажировавшийся в Англии под руководством Берлина, испытал некоторое влияние его подхода²⁰.

Хотя Герцен был популярен среди исследователей разных взглядов и направлений, изучение его мысли обычно сводилось к попыткам создать систему, попутно вписав ее в определенную интеллектуальную традицию и политическое направление. Среди работ этого ряда следует выделить обобщающие труды О. Спербера, А.И. Володина, З.В. Смирновой, В.А. Малинина и некоторых других²¹.

Многое из сказанного относительно литературы о А.И. Герцене справедливо относительно исследований, посвященных биографии и идеям

¹⁷ Путинцев В.А. Герцен–писатель. М., 1963; Чуковская Л.К. «Былое и думы» Герцена. М., 1966; Гинзбург Л.Я. «Былое и думы» Герцена. М., 1957; Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.П. Волгин (гл. ред.) и др. М., 1954–1965. Т. 1–30.

¹⁸ Берлин И. Герцен и Бакунин о свободе личности // История свободы. Россия. М., 2001. С. 85–126. См.: Ignatieff M. Isaiah Berlin: A Life. N. Y., 1998. P. 71.

¹⁹ Kelly A. Views from the Other Shore: Essays on Herzen, Chekhov, and Bakhtin. New Haven, 1999; Eadem. Toward Another Shore: Russian Thinkers Between Necessity and Chance. New Haven, 1998; Eadem. The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Cambridge, 2016; Acton E. Alexander Herzen and the Role of the Intellectual Revolutionary. Cambridge, 1979.

²⁰ Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 17; Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М., 2013. С. 143–149, 177–195.

²¹ Sperber O. Die socialpolitischen Ideen Alexander Herzens. Leipzig, 1894; Володин А.И. Герцен. М., 1970; Смирнова З.В. Указ. соч.; Павлов С.И. Социальная философия А.И. Герцена. Мурманск, 2011; Малинин В.А. Философия революционного народничества. М., 1972. См. также: Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Идеология русского народничества. Л., 1966; Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М., 1986.

М.А. Бакунина²². Позднейшие исследователи во многом обязаны Дж. Гильому²³, собирателю и издателю сочинений Бакунина и документов по истории Первого Интернационала, а также сотрудничавшему с ним автору первой академической биографии Бакунина М. Неттлау, который сделал много для сбора, сохранения и публикации источников²⁴.

К недостаткам подхода Неттлау можно отнести то, что в процессе работы он создал своеобразную замкнутую и самодостаточную дисциплину, «историю анархизма». Он считал, что любого автора, классифицированного как анархиста, следует изучать в связи с другими анархистами, жившими до и после него, пусть между ними могут быть десятилетия и столетия.

Взаимное влияние разных мыслителей австрийский историк обычно не доказывал специально, считая его очевидным благодаря некоторому внешнему сходству идей. Неттлау изучал анархизм как целостное и не подверженное значительным переменам явление, следы которого обнаруживаются в самых разных эпохах и культурах начиная с древнегреческих мыслителей и до наших дней²⁵. Можно заметить, что при таком масштабном и «герметичном» подходе конкретные идеи Бакунина и обстоятельства, их обусловившие, а также его взаимоотношения с современниками, особенно не принадлежавшими к анархистской традиции, несколько теряются на фоне общей картины.

Сбор и публикация источников, начатые Гильомом и Неттлау, были продолжены А. Ленингом, посвятившим несколько специальных исследований Бакунину²⁶. Ленинг много лет возглавлял проект Международного института социальной истории в Амстердаме (ISH) по изданию материалов к биографии Бакунина, которые должны были дополнить французское собрание сочинений начала XX в. Комментарии и вступительные статьи Ленинга фактически

²² См. самый полный на сегодняшний день обзор литературы о Бакунине: *Kamiński A. Michał Bakunin. Życie i myśl: w 3 t.* Wrocław, 2012–2013. Т. 1. S. 22–80.

²³ *Guillaume J. L'Internationale, documents et souvenirs: en 4 vol.* Paris, 1905–1910. Vol. 1–4.

²⁴ *Bakounine M. Oeuvres: en 6 vol. / ed. par J. Guillaume, M. Nettlau.* Paris, 1895–1913. Vol. 1–6. См.: *Неттлау М.* Жизнь и творчество Михаила Бакунина М.; Пг., 1920.

²⁵ См.: *Неттлау М.* Очерки по истории анархических идей. Детройт, 1951.

²⁶ *Lehning A. From Buonarroti to Bakunin.* Leiden, 1970; *Bakounine et les autres / ed. par A. Lehning.* Paris, 1976.

составляют отдельное исследование, которое продолжают представлять интерес для специалистов²⁷.

В 2000 г. завершился другой масштабный проект IISH, в результате которого было издано полное собрание сочинений Бакунина. Оно было выпущено на CD и содержит электронные тексты (в оригинале, а также в переводе на французский) с возможностью поиска по ним²⁸.

Гильом, Неттлау и Ленинг исследовали деятельность и идеи Бакунина преимущественно в контексте западноевропейского революционного движения. Во многом им наследует наиболее полная современная биография Бакунина, написанная А. Каминьским²⁹. Исследователей из СССР в первую очередь закономерно интересовали связи Бакунина с Российской империей. В 1920-е этими аспектами его наследия занимались советские историки Ю.М. Стеклов, написавший самое подробное русскоязычное исследование жизни и деятельности Бакунина³⁰, а также составитель трехтомного издания материалов для биографии анархиста В.П. Полонский³¹. После нескольких десятилетий забвения интерес к Бакунину возродился в 1950-1960-е гг. Наиболее влиятельным советским исследователем 1960-1980-х гг. можно назвать Пирумову, автора биографии Бакунина, а также исследования его социальных идей³².

Несколько тем привлекали особое внимание исследователей. Прежде всего, это взаимоотношение Бакунина и Маркса, а также деятельность бакунистов в Первом Интернационале. Вслед за трудом Гильома последовали и другие работы, среди которых следует отдельно отметить недавнее

²⁷ *Archives Bakounine*: en 7 vol. / ed. par A. Lehning. Leiden, 1961–1981. Vol. 1–7.

²⁸ *Bakounine M. Oeuvres complètes* [Электронный ресурс]. Amsterdam: International Institute of Social History, Netherlands Institute for Scientific Information Services, Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2000. CD-ROM.

²⁹ *Kamiński A. Michał Bakunin. Życie i myśl*: w 3 t. Wrocław, 2012–2013. Т. 1–2. Третий том готовится к выходу.

³⁰ *Стеклов Ю.М.* Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. 1814–1876: в 4 т. М., 1926–1927.

³¹ *Материалы* для биографии М. Бакунина: в 3 т. / сост. и ред. В.П. Полонский. М., 1933. Т. 1–3.

³² *Пирумова Н.М.* Бакунин. М., 1970; *Ее же.* Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990.

обобщающее исследование В. Экхарта.³³ Также темой горячих споров стало сотрудничество М.А. Бакунина с одиозным революционером С.Г. Нечаевым, а также степень близости их идей³⁴. Интерес представлял вопрос преемственности деятельности и политической деятельности Бакунина с террористическими методами более поздних левых движений и партий в России, в особенности большевиков. Некоторые авторы, стремившиеся найти объяснение деятельности и идей Бакунина, выдвигали психологические и даже психопатологические интерпретации³⁵, искали причины в событиях детства или особенностях характера³⁶.

Особое место в исследованиях наследия Бакунина занимают работы, посвященные интеллектуальному наследию революционера. Одна из наиболее полных по своему охвату работ создана П. Маклаfliном³⁷. Множество исследований также посвящено различным конкретным аспектам теоретического наследия М.А. Бакунина, среди которых можно выделить произведения В.Г. Графского, П.И. Моисеева, П.В. Рябова³⁸.

³³ *Eckhardt W.* The First Socialist Schism: Bakunin vs. Marx in the International Working Men's Association. Oakland, 2016; *Стеклов Ю.М.* Указ. соч. Т. 3–4; *Михайлов М.И.* Борьба против Бакунизма в I Интернационале. М., 1976; *Lehning A.* Introduction // Archives Bakounine. Michel Bakounine et les conflits dans l'Internationale 1872. Textes établis et annotés par Arthur Lehning. Leiden, 1965. P. IX–LX; *Woodcock G.* Anarchism. A history of Libertarian Ideas and Movements. Cleveland, 1962; *Brupbacher F.* Marx und Bakunin. Ein Beitrag zur Geschichte der Internationalen Arbeiterassoziation. Berlin, 1922.

³⁴ *Engel B.* Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Evanston, 2000. P. 215. Все документы по нечаевскому делу, обнаруженные Конфино, а также Ленингом, были переведены на русский и изданы: *Житомирская С.В., Пирумова Н.М.* Огарёв, Бакунин и Н.А. Герцен–дочь в «нечаевской» истории (1870 г.) // Литературное наследство. М., 1985. Т. 96. С. 413–546

³⁵ *Малинин И.* Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина. К вопросу о психологии Бунта. Белград, 1934; *Катлер Р.* Бакунин и психобиографы: Анархист как мифический и исторический объект // Клио. 2010. № 2. С. 115–124.

³⁶ *Carr E.* Michael Bakunin. London, 1975; *Kelly A.* Mikhail Bakunin: A Study in the Psychology and Politics of Utopianism. Oxford; N.Y., 1982.

³⁷ *McLaughlin P.* Mikhail Bakunin: The Philosophical Basis of His Theory of Anarchism. N. Y., 2002.

³⁸ *Графский В.Г.* Михаил Бакунин. М., 1985; *Моисеев П.И.* Критика философии М.А. Бакунина и современность. Иркутск, 1981; *Рябов П.В.* Проблема личности и философии классического анархизма: дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. См. также: *Зильберман И.Б.* Политическая теория анархизма М.А. Бакунина. Л., 1969; *Памяти М.А. Бакунина* / под ред. Н.К. Фигуровской. М., 2000.

Объектом исследования является совокупность произведений Герцена и Бакунина, а также работы, формировавшие среду, в которой развивалась их мысль. **Предметом** исследования является понятие «революция», присутствующее в работах Герцена и Бакунина.

Цель работы – выявление содержания понятия «революция» в сочинениях Герцена и Бакунина в контексте современных им социально-политических и идейных условий.

Для ее достижения требуется решить следующие **задачи**:

- 1) Выявить основные черты понятия «революция» в России периода активной деятельности Герцена и Бакунина. Эти черты влияли на интеллектуальное развитие изучаемых авторов, а также создавали условия для формирования их собственных представлений о революции. Частью этой задачи является анализ механизмов концептуальной трансляции и влияния цензуры.
- 2) Определить значение *революции* в общественно-политических дискуссиях о путях развития страны, которые развернулись в 1850-1860-е гг., а также выявить воздействие этих дискуссий на представления Герцена и Бакунина о революции.
- 3) Изучить практическую деятельность Герцена и Бакунина, которая повлияла на формирование их концепций революций, а также исследовать связь этих концепций с западноевропейским и российским контекстом, в которых формировались представления Герцена и Бакунина о революции.
- 4) Выяснить соотношение *революции* и других важных для взглядов Герцена и Бакунина понятий – *история, свобода, война*, а также взаимосвязь этого понятия с их представлениями о роли эмоций в политике.
- 5) Сравнить концепции революции Герцена и Бакунина, показав общее и различное в их взглядах и в их общественно-политической деятельности.

Хронологические рамки исследования: вторая половина 1820-х – 1876 г. Нижняя граница обусловлена пробуждением у Герцена интереса к политике, что произошло во многом под действием восстания декабристов и

правительственной реакции на него. Верхняя хронологическая граница исследования определяется годом смерти Бакунина.

Методологически настоящая работа ориентирована на Кембриджскую школу интеллектуальной истории, а также на определенные положения истории понятий (нем. *Begriffsgeschichte*).

Подход, развиваемый представителями Кембриджской школы, прежде всего, Дж. Покока и К. Скиннера³⁹, позволяет в полной мере применить принцип историзма к истории мысли, исследовать источники в их конкретных исторических контекстах, избегая анахронизмов и помогая найти более контролируемый и рефлексивный путь к последующим обобщениям⁴⁰.

Покок в своих работах использует термины «дискурс» или «язык», под которыми он подразумевает «словарь, грамматику, риторику, множество способов использования (a set of usages), предположения и намеки»⁴¹. Дискурсы формируют исторический контекст, позволяющий понять значение входящих в них понятий, а также углубить понимание текстов, в которых эти понятия содержатся.

К. Скиннер исследует интеллектуальную историю преимущественно на микроуровне – работы отдельных, чаще всего классических авторов. Их произведения он рассматривает как рациональные и осознанные «ответы» на определенные «вопросы», прежде всего – на различные тексты и выраженные в них теории. Интеллектуальная история представляется ему и его единомышленникам постоянным спором, требующим от участников реакций на

³⁹ Их подходы близки, но все же имеют ряд существенных различий. См: *Бивир М.* Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история метафор / под ред. Х.Э. Бёдекера. М., 2010. С. 112–152.

⁴⁰ *Skinner Q.* The Rise of, Challenge to and Prospects for Collingwoodian Approach to the History of Political Thought // *The History of Political Thought in National Context.* Cambridge. 2001. P. 175; также: *Idem.* Meaning and Understanding of History of Ideas // *History and Theory.* 1969. № 1. P. 3–53.

⁴¹ *Pocock J.* Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comment on a Paper by Melvin Richter // *The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte* / ed. by H. Lehmann, M. Richter. Washington, 1996. P. 48. Несколько иное определение Покок дает в другой статье: *Pocock J.* Foundations and Moments // *Rethinking The Foundations of Modern Political Thought* / ed. by A. Brett, J. Tully, H. Hamilton–Bleakley. Cambridge, 2006. P. 37.

действия друг друга⁴². Исследовательские установки Скиннера соединяют историю дискурса или понятий с историей деятельности конкретных авторов, тем самым помогая переопределить и уточнить биографический и историко-сравнительный методы, активно используемые в данной работе.

Подходы представителей Кембриджской школы позволяют уйти от традиционного представления о том, что взгляды каждого автора представляют собой цельную и мало подверженную изменениям систему, которая может быть реконструирована путем подбора подходящих высказываний, сделанных в разное время по различным поводам. Также эти установки помогают более взвешенно использовать историко-генетический метод, обращая внимание на опасность «идола истоков» и некритически выстроенных генеалогий мысли, основанных на внешнем сходстве.

Контекстуализация каждого произведения и последовательное использование принципа историзма особенно важны в случае с Герценом и Бакуниным, которые не были систематическими мыслителями и работали преимущественно в публицистическом жанре, каждый раз реагируя на меняющиеся повестку дня и положение дел. Для концептуального анализа публицистических текстов важно уделять внимание изменениям деталей, акцентов, использованию авторами цитат и аллюзий, которые не только отражали мнение автора о текущих делах, но также сигнализировали об определенных подвижках в теории.

Другим важным преимуществом названной методологии является то, что в ее рамках понятия могут быть исследованы не только как средства описания действительности, но и как инструменты действия. Понятия в большинстве случаев служат оправданию того или иного института или практики, утверждению представлений, отвечающих потребностям той или иной

⁴² «Ответ» может принимать вид развернутой фундированной теории, но может быть также конкретным и ситуативным. В частности, Скиннер исследовал цитаты и аллюзии в текстах гражданских гуманистов и деятелей Реформации. См.: *Skinner Q. Foundations of Modern Political Thought: in 2 vols. Cambridge, 1978. Vol. 1–2.*

социальной группы⁴³. Так, концепт «революция» не только служил для описания политических конфликтов и произошедших в их результате изменений, но также помогал оправдать насилие, нарушение статус-кво и закона как со стороны защищающих существующие политические режимы, так и со стороны претендующих на их изменение⁴⁴.

Немецкая история понятий может дополнить методологию настоящего исследования. Представляется перспективной теория исторического времени, разработанная Р. Козеллеком, который показал, что понятия описывают не только опыт говорящего, но также и его ожидания относительно будущего⁴⁵. Без учета этого факта невозможен полноценный анализ многих концептов. Сказанное справедливо, в том числе, по отношению к понятию «революция», которое в России XIX в. во многих случаях отсылало к ожидаемому событию будущего.

Для изучения Герцена и Бакунина важно найти баланс между изучением идей конкретного автора и определенного контекста, в котором он находился. Этот контекст включает в себя не только политическую и интеллектуальную ситуацию в определенный период, но также более общие процессы и явления в политике и в общественной жизни. Без внешних обстоятельств невозможно понять и объяснить, как автор мог высказывать свою позицию и действовать, а с другой стороны, позволяет выйти за пределы, заданные традиционным описательным подходом к известным фигурам, их жизни и деятельности.

Это внимание к микроуровню также позволяет обойти обычное затруднение для истории идей, связанное со сложностью выявления главного и определяющего направления мысли того или иного автора. Исходным пунктом настоящего исследования будет признание того, что Герцен и Бакунин были

⁴³ Skinner Q. *Retrospect: Studying rhetoric and conceptual change* // *Visions of Politics: in 3 vols.* Cambridge, 2002. Vol. 1. P. 168–169.

⁴⁴ См.: Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш И. Указ. соч. Это исследование также показывает, что изучение понятий как инструментов идейной борьбы возможно в русле истории понятий.

⁴⁵ Koselleck R. “Space of Experience” and “Horizon of Expectation”: Two Historical Categories // *Futures Past: On the Semantics of Historical Time.* N. Y., 2004. P. 255–276.

участниками множества разных споров, обращавших их внимание на различные интеллектуальные контексты. Это приводило к тому, что их позиции по конкретным вопросам постоянно менялись, никогда не складываясь в единую когерентную картину.

Обзор источников

Работа исследователя творчества Герцена и Бакунина облегчается тем, что их сочинения и письма были изданы в полных академических собраниях. Первый по значимости для данной работы вид источников – это материалы периодики: газетные и журнальные статьи Герцена и Бакунина и их публицистические произведения, вышедшие отдельными изданиями в виде брошюр и книг. Также к этой группе источников относятся те работы других авторов, на которые Герцен или Бакунин отвечали в печати или же в которых содержится отклик на работы последних.

Некоторые сочинения изучаемых авторов сочетают в себе черты публицистических и философских работ. В этих произведениях обнаруживается отклик на текущие события и выражение мнения пишущего, но присутствует и собственно философское содержание. К этой группе источников стоит отнести циклы статей Герцена: «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы»⁴⁶, без которых невозможна реконструкция интеллектуальной биографии автора. К ним примыкают статьи Герцена рубежа 1840-1850-х годов, в которых выразился опыт революций 1848-1849 гг. В них значительное место отводилось размышлениям о природе и причинах революций. Эти статьи составили циклы «С того берега» и «Письма из Франции и Италии»⁴⁷. В этом ряду следует отметить его книгу «О развитии революционных идей в России» и «Былое и думы», воспоминания, которые

⁴⁶Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954. Т. 3. С. 5–88; Герцен А.И. Письма об изучении природы // Там же. С. 89–315.

⁴⁷ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1955. Т. 5. С. 7–226. Герцен А.И. С того берега // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 7–142.

также включают в себя элементы публицистики и философского сочинения, вплетенные в биографический нарратив⁴⁸.

Сходный философско-публицистический характер имеют работы Бакунина «Федерализм, социализм и антитеологизм», «Кнута-германская империя и социальная революция» (произведение состоит из двух выпусков) а также варианты и продолжения этого труда, увидевшие свет уже после смерти автора. В этом ряду нельзя также не отметить «Государственность и анархию», последний крупный труд Бакунина⁴⁹.

Анализ понятия «революция» невозможен без обращения к политической деятельности Герцена и Бакунина, которая нашла выражение, помимо прочего, в текстах уставов и программах тайных организаций. Эти документы уже делались предметом специальных исследований, но в настоящей работе они будут рассмотрены с точки зрения их концептуальных особенностей.

К документам личного происхождения, использованным в работе, относятся письма Герцена и Бакунина, дневниковые записи и воспоминания. Помимо того, что эпистолярное наследие важно для установления фактов биографии, оно также интересно как подготовительный материал или контекст для более крупных произведений. Дневниковые записи и письма полезны для исследования тем, что помогают определить круг чтения и особенности восприятия прочитанного.

Отдельные документы, которые были использованы в работе, содержатся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде рода Бакуниных (ф. 825), а также личном фонде М.А. Бакунина в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) (ф. 206) и в IISH (Michail Aleksandrovič Bakunin Papers).

⁴⁸ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954. Т. 7. С. 137–266. «Былое и думы» помещены в т. 8–11 собрания сочинений.

⁴⁹ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М., 1919 Т.1.; Бакунин М.А. Кнута–германская империя и социальная революция. Вып. 1 // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М., 1919. Т. 2. С. 17–132; Бакунин М.А. Кнута–германская империя и социальная революция. Вып. 2 // Там же. С. 137–195.

Среди хранящихся в архивах источников следует выделить делопроизводственные документы. К ним относятся докладные записки и агентурные донесения, в которых отразилась реакция представителей власти на деятельность и, что особенно важно, на теории и конкретные произведения как Герцена и Бакунина, так и близких к ним революционеров. Они преимущественно сосредоточены в ГАРФ, ф. 109 (фонд Третьего отделения С.Е.И.В.К.) и ф. 112 (фонд Министерства юстиции). Немаловажно и то, что в этих фондах сохранились собранные в качестве вещественных доказательств меморандумы (выписки) и полные копии перлюстрированных писем, изъятые при обысках рукописи статей и переводов, в которых зафиксированы отклики на деятельность Герцена и Бакунина, исходившие как от представителей широкой аудитории, так и от участников революционного движения.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые понятие «революция» рассматривается как специальный предмет исследования, к которому применяется методология концептуальной истории. В диссертационном исследовании это понятие исследуется как многосторонний феномен, показывается его место в мысли Герцена и Бакунина. Кроме того, в процессе исследования были обнаружены новые источники влияний и заимствований, обеспечивающие лучшее понимание контекста мысли названных авторов. Введены в научный оборот некоторые новые архивные документы, помогающие проанализировать реакцию властей и общественности на общественно-политическую деятельность Герцена и Бакунина.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы заключается в том, что она выполнена с использованием методов и подходов истории понятий, интеллектуальной и культурной истории. Она демонстрирует, что этот исследовательский инструментарий применим к такой области исследования, как история революционного движения.

Результаты исследования могут быть использованы для подготовки и проведения учебных курсов и при составлении учебных и методических

пособий по истории общественно-политической мысли, а также по жизни и деятельности А.И. Герцена и М.А. Бакунина.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) Понятие «революция» состояло из разнохарактерных элементов, важным свойством которых была асинхрония, сглаживавшаяся по мере их развития. «Революцией» называли любые коренные изменения в той или иной области человеческой деятельности. Однако вследствие цензуры это нейтральное и современное значение «революции» не применялось, если речь шла об актуальных политических событиях. В этом случае *революция* имела архаичные черты и негативные коннотации: как правило, под «революцией» в политике подразумевалось нелегитимное посягательство подданных на богоданные права верховной власти. В середине XIX в. значение «революции» претерпело заметные изменения благодаря либерализации, сопровождавшей начало правления Александра II, а также под влиянием формирующегося революционного движения. К прежней архаичной добавилось множество новых концепций политической и социальной революции, которые стали важными составными частями изменяющегося понятия.

2) В 1850-1860-е гг. в России развернулись дебаты об альтернативе революции и реформы. Угроза революции стала средством оправдания властью своих реформаторских начинаний, но также и инструментом давления на правительство со стороны общества. В эти годы *революция* в современном смысле была частично легитимирована в общественно-политическом пространстве России, что позволило различным авторам, в том числе Герцену и Бакунину, представить свои собственные идеи относительно революций. Они внесли определенный вклад в формирование концепции «революции сверху», предполагавшей коренные и демократичные изменения под руководством властей.

3) Основы представлений Герцена и Бакунина о революции были заложены в 1830-1850-е гг., в это время они оба прошли через влияние раннего французского социализма, радикального республиканизма, немецкой

классической философии и прудонизма. В результате понятие «революция» стало одним из центральных в мысли Герцена и Бакунина, при помощи которого они осмысливали не только различные теоретические вопросы и текущие политические события, но и собственные биографии, представляя себя революционерами или, по крайней мере, сторонниками революции.

4) Взгляды Герцена и Бакунина на революцию сформировались в результате трансфера западноевропейских идей и теорий, которые они без существенных изменений применяли к российским интеллектуальным и социально-политическим условиям. Вследствие этого их концепции были довольно необычны для России своего времени, так как были практически лишены влияния монархизма и религии; их отличала политическая актуальность и наличие положительных коннотаций. В противовес негативным монархическим и либеральным представлениям о революции, Герцен и Бакунин утверждали, что она является прогрессивным событием, знаменующим начало новой исторической эпохи. Как правило, они понимали под «революцией» акт народного самоосвобождения, который сопровождается коренными изменениями во всех сферах общества. Реагируя на критику, осуждавшую революцию за их насильственный характер, Герцен и Бакунин могли с ней соглашаться, но чаще они с теми или иными оговорками оправдывали применение силы. Для этого они использовали различные аргументативные ходы, апеллируя к морали или к исторической необходимости. Герцен и Бакунин придерживались мнения о вреде полной рационализации политики и вытеснения из нее чувств. Для обоснования своей позиции они ссылались на историю революций, чьи положительные стороны они были склонны объяснять, среди прочего, искренностью и «страстностью» участников.

5) Помимо ряда сходных элементов в представлениях Герцена и Бакунина о революции существовали существенные различия. Главное из них состояло в отношении к революции на практике. Герцен предпочитал отстраняться от профессиональных революционеров, их идей и организаций, занимая позицию критичного и ироничного наблюдателя. Как следствие, его представления о

революции характеризуются некоторой отвлеченностью и в большей степени относятся к неопределенному будущему, чем к настоящему. В отличие от Герцена, Бакунин, принимая идентичность революционера, не дистанцировался от революционного движения. В связи с этим его взгляды на революцию имели практический и прикладной характер, теория для него всегда была неотделима от планирования и оправдания его текущих политических усилий. Другим различием было то, что революция в произведениях Герцена в значительной степени связана с личным опытом и интроспекцией, которые в работах Бакунина отходили на второй план.

Достоверность и апробация результатов. Основные положения диссертации были представлены на ряде конференций и семинаров: международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2015, 2016), конференции «Феномен М.А. Бакунина – взгляд из XXI века» (Санкт-Петербург, 2015), Прямухинских чтениях (Тверская область, с. Прямухино 2015, 2016 и 2017), конференции «Проблематика войны в гуманитарных науках: история и перспективы исследования» (Москва, 2015), 10-й аспирантской конференции по европейской истории (Будапешт, 2016), конференции «Способы мысли, пути говорения» (Москва, 2017). Основные результаты исследования также нашли выражение в публикациях, вышедших в рецензируемых журналах, входящих в список Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России.

Структура работы соответствует цели и задачам, поставленным в диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Основное содержание диссертации

Первая глава **«Истоки концепций революции Герцена и Бакунина»** состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«К истории понятия “революция” в России»** рассматривается, как оно возникло в конце XVIII в. и развивалось вплоть до 1870-х гг. На материале периодической печати, словарей, законодательных актов, а также творчества отдельных писателей

показывается, как это понятие практически сразу после его возникновения в Западной Европе было заимствовано в России. В параграфе анализируется то, как новое значение взаимодействовало с более архаичными и прочно укоренившимися представлениями о «бунте», «восстании», «мятеже» и «смуте». Особое внимание уделено доминировавшей в первой половине XIX в. в России религиозно-монархической точке зрения на революции, а также на современную политическую жизнь в странах Запада.

В параграфе показано, что положительно окрашенные представления о революции не были представлены публично, в первую очередь из-за цензуры и политического контроля, осуществляемого властями. Западноевропейское влияние оказывалось ограниченным вследствие существовавшей в России традиции небуквальных переводов иностранных слов, выражений и текстов, а также трансляции идей и понятий, которая лишала их опасных политических коннотаций. В этих условиях политическая революция, как правило, представлялась конфликтом между верховной (чаще всего монархической) властью и подданными, покусившимися на традиционный и освященный религией порядок. Как следствие, современные политические и социальные проблемы, занимавшие значительное место в восприятии революций западноевропейскими современниками, в России долгие годы не привлекали заметного внимания. Также в параграфе проанализировано, как Герцен и Бакунин начиная с 1830-1840-х гг. реагировали на доминировавшие в России представления, часто прибегая к критике и иронии, но в то же время заимствуя из них отдельные элементы.

Во втором параграфе *«Революция и реформа»* анализируется влияние на взгляды Герцена и Бакунина, оказанное развернувшейся в России 1850-1860-х гг. публичной дискуссией об альтернативе реформы и революции, которая пришлась на начальный этап реформ Александра II. В данном разделе рассматривается прагматическая функция понятия «революция», которая нередко представлялась угрозой или же прогнозируемым негативным сценарием, тем самым помогая участникам этой дискуссии оправдывать

необходимость тех или иных мер. Сторонники реформ, не отрицая ценности прогресса, делали ставку на мирную и законную альтернативу революции, однако наряду с ними постепенно складывалась противоположная партия «революционеров», вырабатывавших свой язык описания, который мог бы при необходимости объяснить и оправдать революционный путь к прогрессу. В параграфе показывается, как *реформа* и *прогресс* из понятий, в первые пять лет царствования Александра II объединявших все направления, постепенно превратились в инструменты и признаки политической демаркации. В данном разделе также проанализированы позиции Герцена и Бакунина, которые в 1855-1863 гг. выступали за «революцию сверху» – концепцию, своими демократическими и революционными коннотациями противопоставленную представлениям о реформе как даре правительства народу, о чем нередко писали такие их противники, как М.Н. Погодин и еп. Игнатий (Брянчанинов).

Вторая и третья глава, соответственно, посвящены идеям Герцена и Бакунина. Следует отметить, что структура этих глав во многом сходна, что позволяет проводить параллели и делает возможным сравнение. Вторая глава «**Место революции в идеях Герцена**» состоит из четырех параграфов. В первом, «**Революция и автобиографический нарратив**», исследуется то, как Герцен в мемуарах и других произведениях, создавал образ независимого общественного деятеля, понимавшего всю важность и значимость революций, а также то, как он применял понятие «революция» для осмысления своей собственной жизни. Это стремление во многом определило автобиографический нарратив, наиболее полно выразившийся в «Былом и думах». Там Герцен представляет себя сочувствующим, но все же сторонним наблюдателем, следящим за развитием международного революционного движения. В параграфе анализируется изменение политической позиции Герцена, которая с течением жизни постоянно перемещалась между консерватизмом и радикализмом. Показано, что эти смещения влияли на развитие авторского словаря, при помощи которого Герцен описывал революцию как конкретное событие, принцип исторического развития и,

наконец, как сообщество революционеров, к чьим личным качествам и политической деятельности Герцен с годами относился все скептичнее. В параграфе также показано влияние Герцена в 1840-1860-х гг. на русскую образованную публику, представители которой довольно часто и небезосновательно представляли Герцена радикалом и революционером.

Во втором параграфе **«Революция, история и свобода»** исследуется менявшееся со временем соотношение этих понятий. Проанализировано, как Герцен под влиянием французского революционного республиканизма, а также философии Гегеля пришел к мысли, что революция является знаковым событием мировой истории, призванным помочь обретению политической свободы. Герцен в некоторых работах утверждал, что в России еще не началась история, и предполагал, что революции будет суждено ее начать.

В третьем параграфе **«Проблема революционного насилия»** исследуется, как Герцен выработывал стратегию оправдания насилия в политике. Показано, что в юности, а также под действием неудач социалистического и республиканского движений в 1848 г. Герцен отстаивал крайнюю точку зрения, приветствуя революционное насилие как желанное средство разрушения старого мира. В более поздние годы, однако, он развивал теорию о том, что применение силы есть нежелательное, но крайнее средство. Призывая в каждом конкретном случае взвешивать затраты и результат каждого политического действия, Герцен дистанцировался одновременно от радикализма и от консервативной точки зрения на проблему.

В четвертом параграфе **«Революция и проблема эмоций в политике»** показано, как Герцен доказывал пользу и даже необходимость эмоций в политической жизни. Отправной точкой для его размышлений стала теория гегельянца и специалиста по эстетике, рационалиста Г.Т. Ретшера, аргументы против которого позже стали отправной точкой в споре Герцена с Б.Н. Чичериным, сторонником чистого рационализма в политике. Для Герцена образцом эмоциональной политики, к которому он неоднократно прибегал в ходе дискуссий, была Французская революция и, шире, революция вообще.

Третья глава «*Место революции в идеях Бакунина*» состоит из четырех параграфов. Первый параграф «**Революция как понятие и практическая деятельность**» посвящен проблеме идентичности революционера, которая была основной для Бакунина в 1840-1870-е гг. В параграфе рассматривается философское творчество раннего Бакунина, на которого повлиял Фихте и в особенности Гегель, а также ее связь с политической деятельностью Бакунина, которой он посвятил зрелые годы. Рассмотрен словарь и выразительные средства, при помощи которых Бакунин описывал революцию как событие, принцип и политическое движение, с которым он себя неразрывно связывал.

Предметом анализа в параграфе «**Революция и всемирно-исторический процесс**» является концепция всемирной истории, созданная Бакуниным, и место *революции* в ней. Показано, что Бакунин противопоставил истории как процессу органического развития концепцию истории, понятой как череда скачкообразных переходов или серия разрывов прошлого и настоящего. Таким образом он стремился доказать, что революции являются правилом, а не исключением. Показано, как Бакунин сочетал оправдывающий революции тезис об исторической неизбежности их наступления с убежденностью, что революция является хаотичным и потому во многом недетерминированным событием, оставляющим место для политического действия и человеческой свободы.

Параграф «**Революция и гражданская война**» посвящен сложной и многократно менявшейся с течением времени позиции Бакунина в отношении революционного насилия. Показано, что Бакунин в 1840-е, находясь под влиянием западноевропейской революционной традиции, как правило, оправдывал революционное насилие, но позже, в 1860-е гг., под влиянием развивавшегося в Европе пацифистского и социалистического движения его позиция изменилась. В это время он искал такую форму революционизма, которая бы не входила в противоречие с идеями гармоничного и мирного развития. Его интерес к этим идеям угас в 1870-е гг., когда под влиянием

событий, связанных с Парижской коммуной, Бакунин обратился к проблеме гражданской войны, которую отныне он отождествлял с революцией.

В четвертом параграфе «*Революция и страсть*» исследуются имеющие сентименталистские и романтические корни представления Бакунина о «страсти», которая, будучи естественной и искренней, способна преодолевать практически любые психологические или материальные препятствия. Бакунин полагал, что «страсть» является причиной и основой политического действия, а также залогом успеха революции. Показывается влияние, которое на его концепцию «страсти» в 1860-е гг. оказали нейрофизиология и позитивная философия, заставившие его скорректировать более ранние романтические представления.

Заключение

В конце XVIII столетия во многом под действием французских идей и событий в России сформировалось понятие «революция». В ходе первого этапа своей истории оно вобрало в себя элементы историософии, а также определенные представления о современной общественно-политической жизни. Революция все чаще понималась как масштабная и коренная новация, предполагающая переход от настоящего к будущему, который помогает или мешает историческому прогрессу. Сторонники и противники революций сходились в том, что ее нельзя считать исключительно стихийным событием, так как в ней, как правило, принимают деятельное участие те, кто (к счастью или нет) вышел за границы, установленные старым порядком, тем самым приобретая некоторую независимость и свободу. Слова «революция» и синонимичное ему «переворот», для которых в русском языке политическое значение было первичным и основным, также использовались для обозначения коренных изменений в природе, в той или иной области знания или культуры и даже в жизни конкретного человека.

На протяжении первой половины XIX в. понятие «революция» развивалось в России под действием сложной констелляции факторов: западноевропейского опыта и идей, цензуры и других форм политического

контроля, а также под действием доминирующих концепций, возникших в монархически-религиозном дискурсе. Для *революции* в этот период были характерны раздвоенность и асинхрония, заключавшиеся в сосуществовании старого и нового, архаизма и новаций, бывших плодом недавних заимствований.

Относительная свобода в использовании соседствовала с жесткими ограничениями. Можно было относительно свободно рассуждать о «революциях» или «переворотах» в смысле значительного изменения в природе, а также в тех или иных областях человеческой деятельности. Однако ситуация сильно менялась, если речь шла о «революции» в политической сфере. Проблема состояла в том, что любой разговор о революции был неотделим от знания о Французской революции и сходных западноевропейских событиях, которые угрожали повториться вновь. Это делало данное понятие потенциально опасным для властей. В связи с этим решительно пресекались реальные или воображаемые попытки превратить описание политической революции в ее оправдание и защиту.

Хотя в этот период *революция* так и не стала инструментом радикальной пропаганды, она превратилась в важный элемент общественно-политической борьбы – через это понятие артикулировались различного рода опасения, подозрения, угрозы и обвинения, нередко имевшие гиперболизированный характер.

Граница, проведенная между «безопасной» и «опасной» версиями *революции*, была довольно зыбкой и зависела от контекста и интерпретации полицейских чиновников, цензоров и других представителей власти. Работа полицейских и цензоров дополнялась различными неформальными запретами и ограничениями, к которым относится примечательный феномен цензуры при переводе. Трансляция понятия, как и перевод слов, была тесно связана с привычкой избегать буквализма: долгое время нормой перевода был парафраз, отсекающий все политически опасные коннотации.

Революция существовала в иерархически выстроенном и четко структурированном дискурсе, в котором между предметом разговора и говорящим (императором или его подданным) существовала непреодолимая граница. По одну сторону от нее находился нормальный порядок вещей, по другую – преступление, интерес к причинам и подробностям которого считался неуместным и подозрительным. В связи с этим некоторые важные аспекты революционных событий зачастую игнорировались русскими авторами, которые редко отмечали характерные для многих революций того времени глубокие преобразования политических институтов, изменения в социальной сфере и интеллектуальные нововведения.

Пустое пространство, созданное цензурой и другими ограничениями, занимали архаичные концепции политического конфликта. В этом контексте, даже если то или иное событие называлось «революцией» или «переворотом», эти слова употреблялись в значениях, не отличавшихся принципиально от значений старых и традиционных слов «смута», «бунт», «восстание», «мятеж». Понятие «революция» в своем политическом измерении продолжало оставаться довольно традиционным, подразумевая не новацию, осуществляемую индивидами, в той или иной степени обладающими автономией и свободой, а заведомо нелегитимное покушение подданных на богоданную власть своего монарха.

Революция начала заметно усложняться после 1855 г., что было связано с либерализацией публичного пространства и возникновением революционного движения в России. С этих изменений начался второй этап в истории *революции*. Прежде всего, преобразованиям подверглось политическое измерение этого понятия. Влияние цензуры и архаичных представлений о политике постепенно падало, старые концепции замещались модерными, усиливалось влияние западноевропейской мысли, однозначно негативные оценки уступали место более разнообразным. Традиционные представления о революции как посягательстве на власть монарха существовали наряду с умеренно-либеральными критическими концепциями, а также с новейшими

радикальными теориями социальной революции. Понятие «революция» было точкой, в которой сталкивались различные теории и политические усилия, при этом участники этого столкновения часто не желали и не могли услышать и понять друг друга.

На ситуацию не смогла повлиять даже широкая общественная дискуссия о проблеме революций и реформ, которая развернулась в начале царствования Александра II. В ходе дебатов о перспективах мирного и насильственного путей, по которым могло бы пойти развитие России, практически все политические силы объединились вокруг власти, которая своими реформами, как считалось, могла предотвратить возможные в будущем революции.

Хотя, казалось, правительственные преобразования получили практически единогласную поддержку, концепция и практические параметры правительственных инициатив вызвали бурную общественную дискуссию. В ее ходе *революция* начала играть роль обоюдоострого оружия в политическом дискурсе: представители правительства ссылались на угрозу революции, чтобы оправдать свои действия перед обществом, в то время как их оппоненты стали говорить о революции, чтобы оказать давление на власти и заставить их прислушаться к предлагаемым общественностью планам и идеям. В результате *революция* хотя бы в виде негативного сценария будущего нашла место в общественно-политическом пространстве, благодаря чему возросла политическая актуальность этого понятия.

Среди прочих участников дискуссии выделялись левые авторы, группировавшиеся преимущественно вокруг «Колокола» А.И. Герцена, одним из товарищей которого был впоследствии вышедший на первый план в революционной среде М.А. Бакунин. Они также предлагали свои проекты и интерпретации преобразований, в которых, по их мнению, нуждалась страна. Включившиеся в дискуссию Герцен и Бакунин были согласны по многим пунктам со сторонниками умеренности и правительственного либерализма. Герцен и его соратники соглашались, что реформа является желательной мирной альтернативой революции. Вместе с тем они, не желая оставлять

привычные представления и политические цели, в ходе своеобразного семантического эксперимента создали концепцию революции сверху. Она сочетала в себе элементы революции и реформы, указание на лояльность и одновременно требование политических свобод и довольно радикальных социальных преобразований.

Эта дискуссия свидетельствовала о росте влияния левых, среди которых заметное место занимали Герцен и Бакунин. Несмотря на различия, с годами становившиеся все более очевидными, Герцен и Бакунин занимали близкие позиции в интеллектуальном ландшафте эпохи. Герцен на протяжении долгих лет выступал против общепринятых идей и взглядов, за что подвергался критике со стороны не только представителей противоположной части политического и идейного спектра, но также и недавних единомышленников. Роль возмутителя спокойствия была привычна и для Бакунина.

Распространяемые Герценом и Бакуниным революционные концепции и идеи, оказавшиеся востребованными и влиятельными в России 1850-1870-х гг., были плодами долгого и во многом нелинейного развития в предшествующие годы. Эти авторы, воспитанные в среде русского образованного дворянства, не могли не знать о господствовавшей монархически-традиционной концепции политической революции. Она нашла определенное выражение в их произведениях, но тем не менее уже в их ранних работах можно заметить присутствие идей и представлений, далеких от общепринятых в России того времени.

Герцен с юности находился под большим влиянием западноевропейских радикальных идей. Несмотря на кратковременное увлечение христианством и консерватизмом, представления Герцена о революции в целом оставались довольно необычными для своего времени. Он избегал архаизма, даже когда говорил о политической революции.

Революция в работах Герцена редко ассоциировалась с отвлеченными предметами, разговор о ней часто заходил в связи с актуальными и даже

болезненными вопросами благосостояния, политического устройства, политических действия и насилия.

Развитие представлений Бакунина о революции в целом напоминает, но в некоторых чертах отличается от герценовского. В ранний период творчества, пришедшийся на 1830-е гг., он придерживался благонамеренного консерватизма и по этой причине в увлекавшей его философии Гегеля увидел подтверждение господствовавшей в то время в России религиозно-монархической точки зрения на политические перевороты. Затем, в 1840-е гг., оказавшись за рубежом, он, несколько позже, чем Герцен, увлекся крайним республиканизмом и социализмом, а также темой социальных и политических революций.

Представления Бакунина отличали абстрактность, отсутствие негативных коннотаций, а также тесная связь с актуальной политикой. Он, как и Герцен, нередко заимствовал идеи, концепции и риторические формулы, применяя их без значительных изменений к российской действительности.

Герцена и Бакунина возможно сравнивать не только через историю творчества и его рецепции. Семасиологический анализ, то есть изучение различных значений одной и той же лексической единицы, также дает определенный материал для сравнения. Их «авторские словари» на протяжении долгих лет претерпевали сходные изменения. В 1830-е гг. они часто говорили о революции в смысле конкретных исторических событий и изредка в смысле общего принципа истории. В следующее десятилетие *революция* в произведениях того и другого автора все чаще выступает абстрактным началом, определяющим развитие как общества в целом, так и конкретных его членов. Позже (Герцен в конце 1840-х, а Бакунин в 1860-е гг.) они начинают говорить о «революции», подразумевая революционное движение.

Важно отметить, что Герцен и Бакунин говорили о «революции» не только в связи с глобальными событиями и явлениями, но также осмыслили через это понятие собственные биографии, представляя себя революционерами или, в некоторых случаях, сочувствующими делу революции.

Герцен нередко говорил о своей солидарности с революциями прошлого и будущего, однако он никогда не принимал идентичность революционера в настоящем. Герцен чаще всего представлял себя ироничным и сторонним наблюдателем происходящих событий. Бакунин, напротив, был готов видеть начинающуюся революцию практически в любых локальных конфликтах и выступлениях. Как следствие, размышления Бакунина о том, чем является или должна стать революция, как и почему она произойдет, обычно были приложением к его текущим начинаниям и задумкам, работая на их прояснение и оправдание. Он полагал, что революционное движение несовместимо с преследованием каких бы то ни было личных интересов и требует полного самоотвержения.

Для обоих исследуемых авторов практическая деятельность имела первостепенную важность. Как общественно-политические деятели, они способствовали актуализации *революции* в Российской империи. В том числе под их влиянием это понятие в 1850-1860-е гг. превращалось из абстракции в программный пункт и политическое требование. Этому способствовала, среди прочего, теория русского, или общинного социализма, авторство которой принадлежит Герцену и отчасти Бакунину. Эта теория предполагает, что традиционная община русских крестьян, коллективно владеющая землей, является основой будущего коммунистического общества.

Следует подчеркнуть, что для Герцена и Бакунина революция не была лишь способом разрешить определенные экономические и политические проблемы. Нередко они рассуждали о революции в гораздо более абстрактных терминах. Эти авторы были среди тех, кто полагал, что в России возможно или даже неизбежно масштабное и всеобъемлющее переустройство, воплощенное в конкретном историческом событии, которое начнет для страны эпоху модерна. Несмотря на некоторые колебания, более характерные для Герцена, чем для Бакунина, они оба обычно утверждали, что революция в силу своей природы является демократическим событием, актом самоосвобождения, в ходе

которого рождается или скорее проявляется новый политический субъект – народ.

Важнейшим элементом дискуссии вокруг революций внутри среды радикальных активистов, а также за ее пределами, оказалась проблема насилия в политике. Герцен и Бакунин стали для некоторых современников и позднейших исследователей олицетворениями, соответственно, умеренного и в целом мирного и, наоборот, крайнего и насильственного путей. Однако Герцен и Бакунин множество раз меняли свою точку зрения по этому вопросу: Герцен подчас занимал довольно радикальную позицию, тогда как Бакунин мог проявлять нетипичную для себя осторожность.

Несмотря на все эти изменения, во взглядах Герцена и Бакунина прослеживаются черты, характерные для них обоих. Они в большинстве случаев не поддерживали политическое насилие прямо, отстраняясь или через призывы объективно оценить его целесообразность (Герцен), или через рассуждения о его исторической необходимости (Бакунин).

Работы Герцена и Бакунина также оказали некоторое влияние на сложившиеся в революционной среде представления о роли эмоций в политике. Их отношение к проблеме было противоположно сформировавшейся в либеральном дискурсе концепции «дурных страстей», ведущих к насилию и беспорядкам. В работах изучаемых авторов революции представлялись примерами и даже образцами искренности проявления чувств и их влияния на действия людей.

Однако в этом вопросе между Герценом и Бакуниным также был ряд существенных различий. Жертвы и ужасы революции чаще всего интересовали Бакунина с точки зрения их влияния на тактику революционной борьбы, но почти никогда как предмет личного опыта. В работах Герцена тема искренности всегда имела личное измерение, тогда как для Бакунина она прежде всего была своеобразным стратегическим ресурсом, ценным для мотивации профессиональных конспираторов и борцов, что было особенно насущной проблемой в периоды неудач и поражений.

**Список опубликованных работ, в которых были отражены основные
положения диссертации**

**Работы, опубликованные в рецензируемых научных журналах, входящих в
список ВАК:**

1. Ильин А. А. Проблема революционного насилия у А.И. Герцена / А. А. Ильин // Россия и современный мир. – 2018. – № 1. – С. 47-62 (1,25 п. л.).
2. Ильин А. А. Раздирающий душу вопль: спор А.И. Герцена и Б.Н. Чичерина о роли эмоций в политике / А. А. Ильин // Диалог со временем. – 2017. – № 61. – С. 247-261 (1,1 п. л.).
3. Ильин А. А. Понятие «революция» у М. А. Бакунина: проблема амбивалентности / А. А. Ильин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – № 4. – С. 169-177 (0,65 п. л.).